

Предисловие «Полки»

Единственный завершённый роман Лермонтова, стоящий у истоков русской психологической прозы. Его сложного, опасного и невероятно притягательного героя автор назвал воплощением пороков своего поколения, но читатели замечают в Печорине прежде всего уникальную личность.

Лев Оборин

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Об исключительном человеке, который страдает и приносит страдания другим. Лермонтовский Печорин, как сообщает авторское предисловие, — собирательный образ, «портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии». Несмотря на это — или благодаря этому, — Лермонтов сумел создать одного из самых живых и привлекательных героев в русской литературе: в глазах читателей его нарциссизм и любовь к манипулированию не затмевают ни глубокого ума, ни храбрости, ни сексуальности, ни честного самоанализа. В эпоху, уже почти расставшуюся с романтизмом, Лермонтов пишет «историю души» романтического героя и подбирает для его действий подходящих статистов и впечатляющие декорации.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

В 1836 году Лермонтов начинает писать роман («светскую повесть») «Княгиня Лиговская», главный герой которого — 23-летний Григорий Печорин. Работа над романом затягивается, ее прерывает ссылка Лермонтова на Кавказ после написания стихотворения «Смерть Поэта». В конце концов Лермонтов забрасывает первоначальный замысел (неоконченная «Княгиня Лиговская» будет опубликована только в 1882-м, через 41 год после гибели автора). Вероятно, в 1838 году, во время отпуска, он приступает к «Герою нашего времени», куда переносит не только героя, но и некоторые мотивы предыдущего романа. 1838–1839 годы — очень насыщенные

для Лермонтова: к этому же периоду относятся несколько редакций «Демона», «Мцыри», «Песня про купца Калашникова», два десятка стихотворений, среди которых «Поэт», «Дума», «Три пальмы», «Молитва». Накануне отправки «Героя нашего времени» в печать Лермонтов примет участие в дуэли с сыном французского посла Эрнестом де Барантом и за это будет переведён служить на Кавказ, где через год погибнет — на другой дуэли.

КАК ОНА НАПИСАНА?

У «Героя нашего времени» уникальная для своей эпохи композиция: он состоит из пяти отдельных повестей, неравнозначных по объему текста и количеству действия и расположенных не по хронологии: мы сначала узнаем давнюю историю из жизни главного героя («Бэла»), затем встречаемся с ним лицом к лицу («Максим Максимыч»), потом узнаем о его смерти (предисловие к «Журналу Печорина») и, наконец, через его записи («Тамань», «Княжна Мери», «Фаталист») восстанавливаем более ранние эпизоды его биографии. Таким образом, романтический конфликт человека с окружением и с самой судьбой разворачивается почти детективно. Зрелая лермонтовская проза, наследуя пушкинскую, спокойна по темпераменту (в отличие от ранних опытов Лермонтова, таких как незаконченный роман «Вадим»). Она часто иронична — романтический пафос, к которому не раз прибегает Печорин («Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига: его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег,

он скучает и томится...»), поверяется интроспекцией, самоанализом, а романтические штампы разоблачаются на сюжетном уровне — так устроена «Тамань», где вместо любовного приключения с дикой «ундиной» начитанный Печорин чуть не оказывается жертвой контрабандистов. Вместе с тем в «Герое нашего времени» присутствуют все составляющие классического романтического текста: исключительный герой, экзотическая обстановка, любовные драмы, игра с судьбой.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

В огромной степени — «Евгений Онегин». Недавно возникшая традиция русской «светской» повести — от Пушкина до Николая Павлова*¹ и Владимира Одоевского. Уже существующий «кавказский текст» русской литературы — свехромантические повести Бестужева-Марлинского, поэмы Пушкина. Известные путевые записки (тот жанр, который сейчас называют травелогом) — в первую очередь пушкинское «Путешествие в Арзрум»¹. Разумеется, собственный опыт жизни и военной службы на Кавказе. Западная

приключенческая проза (Вальтер Скотт, Фенимор Купер), которая на тот момент была новейшим образцом прозы как таковой: «Лермонтова захватил вихрь культурной революции. <...> Приключенческий жанр давал ему возможности обобщить романтический опыт, создать русский роман, ввести его в общеевропейское русло и сделать достоянием профессиональной литературы и массового читателя»². Европейская романтическая литература вообще, в том числе проза французских романтиков, где действует разочарованный, мятущийся герой: «Рене» Шатобриана, «Исповедь сына века» Мюссе, произведения «неистой школы»*², отдельно нужно говорить о влиянии более раннего романа Бенжамена Констан «Адольф» (впрочем, по мнению исследователей, все эти влияния были опосредованы Пушкиным³). Наконец, Байрон и Шекспир: по замечанию филолога Анны Журавлевой, сквозь поэзию и биографию Байрона в романе «явственно прорезается шекспировское (гамлетовское)»: например, когда Печорин неожиданно дает понять, что ему известен заговор Грушницкого с капитаном, это отсылает к «пьесе в пьесе» «Мышеловка» из шекспировской трагедии⁴.

*¹ Николай Филиппович Павлов (1803–1864) — писатель. Как внебрачный сын помещика и наложницы, был крепостным крестьянином, но еще в детстве ему была дарована вольная. Павлов окончил Московский университет, после учебы работал в Московском надворном суде. В 1820-е годы публиковал стихи. В 1835 году Павлов выпустил сборник из трех повестей («Именины», «Ятаган» и «Аукцион»), который принес ему известность и признание. В 1840-е годы дом Павлова и его жены поэтессы Каролины Павловой (урожденной Яниш) стал одним из центров культурной жизни в Москве.

*² Художественное направление, возникшее во Франции в 1820-е годы. В это время страна увлекалась «северной» литературой — мрачными английскими и немецкими романами, наполненными мистикой. Она повлияла и на французских писателей: Виктора Гюго, Оноре де Бальзака, Жерара де Нерваля, Теофиля Готье. Программным текстом «неистой словесности» стал роман Жюль Жанена «Мертвый осел и гильотинированная женщина». Интерес к мрачной и жестокой литературе возник как противовес классицистическим и сентименталистским романам, идеализирующим реальность.

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Сначала роман публиковался по частям в «Отечественных записках»^{*1}. Это было в порядке вещей в XIX веке, но относительная автономность частей «Героя нашего времени» заставляла первых читателей воспринимать их не как «роман с продолжением», а как отдельные повести о Печорине. При этом части выходили не в том порядке, в каком мы читаем их сейчас: первой вышла «Бэла», вторым — «Фаталист» (обе — в 1839 году), третьей, в 1840-м, — «Тамань». Следом в том же году появилось уже отдельное издание романа в двух книгах — здесь впервые были напечатаны «Максим Максимыч», предисловие к «Журналу Печорина» и «Княжна Мери». Наконец, в 1841 году вышло второе отдельное издание — после добавления двухстраничного предисловия — «Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь...» — роман обрел канонический вид.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

«Герой нашего времени» сразу заинтересовал публику, его обсуждали в частной переписке и салонных беседах. Уже после первых журнальных публикаций Белинский

написал в «Московском наблюдателе», что проза Лермонтова «достойна его высокого поэтического дарования», и противопоставил ее цветистой кавказской прозе Марлинского — это противопоставление стало классическим. Впоследствии Белинский еще несколько раз возвращался к «Герою нашего времени», и его статьи стали ключевыми в канонизации Лермонтова. Именно Белинский предлагает впоследствии общепринятую трактовку композиции романа. Именно Белинский смещает критический акцент на самоанализ героя («Да, нет ничего труднее, как разбирать язык собственных чувств, как знать самого себя!») и определяет его как рефлексию, при которой «человек распадается на два человека, из которых один живет, а другой наблюдает за ним и судит о нем». Именно Белинский, вторя самому автору, поясняет, почему Печорин — не порочный уникум, не эгоист, а живой, страстный и одаренный человек, чьи действия и бездействие зависят от общества, в котором он живет; слова Лермонтова о «портрете, составленном из пороков всего нашего поколения» нужно понимать именно в этом смысле.

Конечно, были и другие оценки. Одна из первых реакций на книжное издание — статья Степана Бурачка^{*2}, которую он опубликовал анонимно в своем журнале «Маяк». Бурачок выше всего ставил романы, которые, в противоположность

^{*1} Литературный журнал, издававшийся в Петербурге с 1818 по 1884 год. Основан писателем Павлом Свиньным. В 1839 году журнал перешел Андрею Краевскому, а критический отдел возглавил Виссарион Белинский. В «Отечественных записках» печатались Лермонтов, Герцен, Тургенев, Соллогуб. После ухода части сотрудников в «Современник» Краевский в 1868 году передал журнал Некрасову. После смерти последнего издание возглавил Салтыков-Щедрин. В 1860-е в нем публиковались Лесков, Гаршин, Мамин-Сибиряк. Журнал был закрыт по распоряжению главного цензора и бывшего сотрудника издания Евгения Феоктистова.

^{*2} Степан Онисимович Бурачок (1800–1877) — кораблестроитель, публицист, издатель. Бурачок окончил Училище корабельной архитектуры и был принят на службу в Петербургское

французской «неистойой школе», изображали «внутреннюю жизнь, внутреннюю работу духа человеческого, ведомого духом христианства к совершенству, путем креста, разрушения и борьбы между добром и злом». Не найдя в «Герое нашего времени» ни следа «пути креста», критик отказал роману и в изображении «внутренней жизни» (то есть в том, что сегодня кажется очевидным): для Бурачка роман оказался «низеньким», построенным на ложных романтических посылах. Печорин вызывает у него отвращение (его душа «валяется в грязи неистовств романтических»), а простой и добрый Максим Максимыч — сочувствие. Впоследствии Бурачок написал полемическую по отношению к лермонтовскому романтизму повесть «Герои нашего времени».

В оценке Максима Максимыча Бурачок не был одинок: штабс-капитан приглянулся и демократу Белинскому, и ведущему славянофильскому критику Степану Шевыреву, который писал в своей в целом недоброжелательной рецензии: «Какой цельный характер коренного русского добряка, в которого не проникла тонкая зараза западного образования...» Сам Николай I, начав по просьбе жены читать «Героя нашего времени», пребывал в радостной уверенности, что истинный «герой нашего времени» — это Максим Максимыч: «Однако капитан появляется в этом сочинении как надежда, так и не осуществившаяся, и господин Лермонтов не сумел последовать

за этим благородным и таким простым характером; он заменяет его презренными, очень мало интересными лицами, которые, чем наводить скуку, лучше бы сделали, если бы так и оставались в неизвестности — чтобы не вызывать отвращения». В это время решается участь Лермонтова после дуэли с Барантом; царь не колеблясь утверждает решение отправить поэта на Кавказ: «Счастливей путь, господин Лермонтов, пусть он, если это возможно, прочистит себе голову в среде, где сумеет завершить характер своего капитана, если вообще он способен его постичь и обрисовать».

Консервативная критика, смешивавшая героя с автором и клеймившая автора за безнравственность, задевала Лермонтова, — вероятно, именно после рецензии Бурачка в «Герое нашего времени» появилось авторское предисловие: «...видно, Русь так уж сотворена, что всё в ней обновляется, кроме подобных нелепостей. Самая волшебная из волшебных сказок у нас едва ли избегнет упрека в покушении на оскорбление личности!» Тем любопытнее, что критик, до сих пор воплощающий идею русского охранительства — Фаддей Булгарин, — отозвался о «Герое» восторженно: «Лучшего романа я не читал на русском языке»; впрочем, для Булгарина «Герой нашего времени» — произведение нравоучительное, а Печорин однозначно отрицательный герой.

адмиралтейство. Управлял Астраханским адмиралтейством, преподавал в Морском кадетском корпусе. Бурачок проектировал и строил корабли, разработал проект подводной лодки. С 1840 по 1845 год издавал журнал «Маяк», где публиковал свои статьи о литературе. Журнал часто становился предметом насмешек в среде столичных литераторов.

и никак не подозревал убожеством казачества, но
 это только заблуждался из-за того, что не мог видеть
 — Да не убожество в самом деле — то же самое: —
 каковы же казачество и каковы же казаки? —
 — Да вы же разговариваете как историк, а не как
 Урушицкий, только поправьте не забывайте
 меня; вы же сами же сами: ~~я же сам~~ Вера
 одна человек, которая и была изобретена, ну
 идишь идишь и разговариваете, что она была в
 детском саду везет, как этого прохорова
 в дом на Лубянской. Надо вам заметить,
 что Князь Бела ждал, а Князь дома. Вы же
 и не идите и отправившись под. оном, тогда
 подстергивать ^и ~~приглашать~~ ~~и~~ ~~приглашать~~
 приглашать, и ^и ~~использовать~~, как мой собесед.
 идишь оном. Бела ждала своим заблуждением, она
 могла бы сама была для себя двоякою и непристой,
 оном же ^и ~~приглашать~~ Урушицкий отидеет истину, но
 осмысленный ^и ~~приглашать~~, она и не подозревает. се
 «Вы же видите, предполагал. Урушицкий, и
 и отправившись, везет и свои рубль ^и ~~приглашать~~
^и ~~приглашать~~ ^и ~~приглашать~~ ^и ~~приглашать~~. До
 двух часов ^и ~~приглашать~~ в саду, наконец. — убо
 жество. оном же он ^и ~~приглашать~~, только не мог оном,
 потому что он не ^и ~~приглашать~~, а ^и ~~приглашать~~ ^и ~~приглашать~~
 он ^и ~~приглашать~~ ^и ~~приглашать~~ ^и ~~приглашать~~ — наконец,
^и ~~приглашать~~ и, видя и, идите ^и ~~приглашать~~ и балкона
 — каково Князь, а? ну убо ^и ~~приглашать~~ ^и ~~приглашать~~
 или Барини! ^и ~~приглашать~~ ^и ~~приглашать~~ ^и ~~приглашать~~

Текст «Героя нашего времени» (глава «Тамань»),
 записанный Акимом Шан-Гиреем под диктовку Лермонтова в 1839 году

Герой
нашего
времени

Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики. Но обыкновенно читателям дела нет до нравственной цели и до журнальных нападок, и потому они не читают предисловий. А жаль, что это так, особенно у нас. Наша публика так еще молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце ее не находит нравоучения. Она не угадывает шутки, не чувствует иронии; она просто дурно воспитана. Она еще не знает, что в порядочном обществе и в порядочной книге явная брань не может иметь места; что современная образованность изобрела орудие более острое, почти невидимое и тем не менее смертельное, которое, под одеждою лести, наносит неотразимый и верный удар. Наша публика похожа на провинциала, который, подслушав разговор двух дипломатов, принадлежащих к враждебным дворам, остался бы уверен, что каждый из них обманывает свое правительство в пользу взаимной нежнейшей дружбы.

Эта книга испытала на себе еще недавно несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов. Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой Нашего Времени; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь так уж сотворена, что всё в ней обновляется, кроме подобных нелепостей. Самая волшебная

из волшебных сказок у нас едва ли избегнет упрека в покушении на оскорбление личности!

Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен, а я вам скажу, что ежели вы верили возможности существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?..

Вы скажете, что нравственность от этого не выигрывает? Извините. Довольно людей кормили сладостями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Но не думайте, однако, после этого, чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от такого невежества! Ему просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает, и к его и вашему несчастью, слишком часто встречал. Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить — это уж Бог знает!

Часть первая

І. Бэла

Я ехал на перекладных из Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла из одного небольшого чемодана, который до половины был набит путевыми записками о Грузии. Бóльшая часть из них, к счастью для вас, потеряна, а чемодан с остальными вещами, к счастью для меня, остался цел.

Уж солнце начинало прятаться за снеговой хребет, когда я въехал в Койшаурскую долину. Осетин-извозчик неутомимо погонял лошадей, чтоб успеть до ночи взобраться на Койшаурскую Гору, и во всё горло распевал песни. Славное место эта долина! Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные кучами чинар, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а там высоко-высоко золотая бахрама снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безымянной речкой, шумно вырывающейся из черного, полного мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкает, как змея своею чешуею.

Подъехав к подошве Койшаурской Горы, мы остановились возле духана. Тут толпилось шумно десятка два грузин и горцев; поблизости караван верблюдов остановился для ночлега. Я должен был нанять быков, чтоб втащить мою тележку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица, — а эта гора имеет около двух верст длины.

Нечего делать, я нанял шесть быков и нескольких осетин. Один из них взвалил себе на плечи мой чемодан, другие стали помогать быкам почти одним криком.

За моею тележкой четверка быков тащила другую, как ни в чем не бывало, несмотря на то, что она была доверху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шел ее хозяин, покуривая из маленькой кабардинской трубочки, обделанной в серебро. На нем был офицерский сюртук без эполет и черкесская мохнатая шапка. Он казался лет пятидесяти; смуглый цвет лица его показывал, что оно давно знакомо с закавказским солнцем, и преждевременно поседевшие усы не соответствовали его твердой походке и бодрому виду. Я подошел

Содержание

Предисловие «Полки».....	5
Герой нашего времени	35
<i>Часть первая</i>	39
<i>1. Бэла</i>	41
<i>II. Максим Максимыч</i>	75
<i>Журнал Печорина</i>	85
<i>1. Тамань</i>	87
<i>Часть вторая</i>	99
<i>II. Княжна Мери</i>	101
<i>III. Фаталист</i>	176
Примечания	187
Источники иллюстраций.....	189